ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 78-КГ20-25-К3

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва 7 сентября 2020 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Фролкиной С.В.,
судей Вавилычевой Т.Ю., Жубрина М.А.

рассмотрела в открытом судебном заседании 7 сентября 2020 г. гражданское дело по иску Государственного учреждения – Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Калининском районе Санкт-Петербурга к Миготиной Тамаре Владимировне о взыскании незаконно полученных сумм пенсии

по кассационной жалобе Миготиной Тамары Владимировны на решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 октября 2018 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 апреля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г. по делу Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга № 2-3798/2018.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Фролкиной С.В., выслушав объяснения Миготиной Т.В., её представителя по доверенности Попова О.Л., поддержавших доводы кассационной жалобы,

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Государственное учреждение – Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в Калининском районе Санкт-Петербурга (далее также – УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга, пенсионный орган) 30 января 2018 г. обратилось в суд с иском к Миготиной Т.В. и с учётом уточнения заявленных требований в порядке статьи 39 Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации просило взыскать с неё незаконно полученную сумму пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп.

В обоснование заявленных требований пенсионный орган ссылался на то, что Миготина Т.В. с 6 декабря 1999 г. являлась получателем пенсии, назначенной в соответствии со статьёй 10 Закона Российской Федерации от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации».

При обращении 6 декабря 1999 г. в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, с заявлением о назначении пенсии Миготина Т.В. указывала, что она проживает на территории Российской Федерации, получателем пенсии на территории Эстонской Республики не является, за представление достоверных сведений несёт ответственность, в случае обнаружения переплаты обязуется её возместить.

8 апреля 2016 г. Миготина Т.В. обратилась в УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга с заявлением о приобщении к материалам пенсионного дела решения Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г., согласно которому Миготиной Т.В. начиная с 25 декабря 1987 г. назначена пенсия по старости на территории Эстонской Республики.

На основании представленных Миготиной Т.В. документов пенсионным органом был установлен факт переплаты Миготиной Т.В. пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в сумме 1 315 892 руб. 28 коп.

Полагая, что переплата пенсии в размере 1 315 892 руб. 28 коп. за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. образовалась по вине Миготиной Т.В., скрывшей от пенсионного органа факт получения ею пенсии на территории Эстонской Республики, УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга со ссылкой на Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения, подписанное 25 июня 1993 г. в г. Таллине (прекратило действие с 1 апреля 2012 г. – даты вступления в силу Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г.), положения которого не допускают одновременное установление гражданам сторон данного соглашения пенсии на территории Российской Федерации и Эстонской Республики, просило взыскать с Миготиной Т.В. данную сумму незаконно полученной ею пенсии на основании статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации как неосновательное обогащение.

Представитель Миготиной Т.В. по доверенности Лебеднов Ю.С. в суде первой инстанции исковые требования не признал и заявил о пропуске пенсионным органом без уважительных причин срока исковой давности.

Решением Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 октября 2018 г. исковые требования УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга удовлетворены. Суд взыскал с Миготиной Т.В. в пользу пенсионного органа незаконно полученную сумму в виде переплаты пенсии за

период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп., а также государственную пошлину в размере 14 779 руб. в доход государства.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 апреля 2019 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г. судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Вавилычевой Т.Ю. от 12 мая 2020 г. Миготиной Т.В. восстановлен срок подачи кассационной жалобы в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации на решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 октября 2018 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 апреля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г.

В поданной в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации кассационной жалобе Миготиной Т.В. ставится вопрос о передаче жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации для отмены указанных судебных постановлений, как незаконных.

По результатам изучения доводов кассационной жалобы 19 мая 2020 г. судьёй Верховного Суда Российской Федерации Вавилычевой Т.Ю. дело истребовано в Верховный Суд Российской Федерации, и её же определением от 28 июля 2020 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

Основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (статья 390^{14} Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – ГПК РФ).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что в настоящем деле такого характера существенные нарушения норм материального и процессуального права были допущены судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, и они выразились в следующем.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 6 декабря 1999 г. Миготина Т.В., [redacted] года рождения, обратилась в Управление социальной защиты населения Калининского района Санкт-Петербурга с заявлением о назначении пенсии по старости, в котором она также указала, что за назначением пенсии по возрасту в Эстонской Республике она не обращалась, за достоверность сведений несёт полную ответственность, при обнаружении переплаты обязуется её возместить.

Решением Управления социальной защиты населения Калининского административного района Санкт-Петербурга от 16 марта 2000 г. Миготиной Т.В. с 6 декабря 1999 г. назначена социальная пенсия в соответствии со статьёй 113, пунктом «б» статьи 114 Закона Российской Федерации от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации».

4 сентября 2000 г. Миготина Т.В. обратилась в Управление социальной защиты населения Калининского административного округа Санкт-Петербурга с заявлением о переводе её на пенсию по возрасту.

Решением Управления социальной защиты населения Калининского административного района Санкт-Петербурга от 11 октября 2000 г. Миготиной Т.В. с 1 октября 2000 г. назначена пенсия по старости бессрочно.

8 апреля 2016 г. Миготина Т.В. обратилась в УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга с заявлением о приобщении к пенсионному делу решения Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г., согласно которому Миготиной Т.В. назначена пенсия по старости с 25 декабря 1987 г. По данным регистра народонаселения, Миготина Т.В. с 25 февраля 2016 г. не является гражданкой Эстонской Республики, в связи с чем выплата пенсии по старости Миготиной Т.В. приостановлена с 1 марта 2016 г.

Решением УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга от 26 мая 2016 г. выплата Миготиной Т.В. пенсии по старости и пенсии по инвалидности прекращена с 1 июня 2016 г.

27 мая 2016 г. УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга направило запрос в Департамент социального страхования Эстонской Республики с просьбой предоставить информацию о выплате пенсии на территории Эстонской Республики гражданке Российской Федерации Миготиной Т.В., [redacted] года рождения.

С 1 июня 2016 г. УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга возобновило выплату Миготиной Т.В. пенсии по инвалидности бессрочно.

11 октября 2016 г. Миготина Т.В. обратилась в УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга с заявлением о восстановлении ей выплаты пенсии по старости, по которому решение пенсионным органом не принято.

В ответ на запрос УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга от 26 октября 2016 г. Департамент социального страхования Эстонской Республики в письме от 18 ноября 2016 г. сообщил, что Миготина Т.В. является получателем пенсии по старости на территории Эстонской Республики с 25 декабря 1987 г. по настоящее время. По данным регистра

народонаселения Эстонской Республики, Миготина Т.В. постоянно проживает на территории Эстонии.

29 июня 2017 г. УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга направил в адрес Миготиной Т.В. письмо, в котором предложил ей вернуть излишне полученные денежные средства в сумме 1 315 892 руб. 28 коп. В письме также было указано, что в случае отказа Миготиной Т.В. возвратить излишне полученные денежные средства пенсионный орган намерен решить данный вопрос в судебном порядке.

3 октября 2017 г. состоялось заседание Комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга, на котором рассмотрен вопрос о переплате Миготиной Т.В. страховой пенсии. Комиссией установлено, что в результате несообщения Миготиной Т.В. о получении пенсии на территории Эстонской Республики образовалась переплата пенсии по старости за период с 6 декабря 1999 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп. Переплата образовалась по вине Миготиной Т.В., которая при обращении за назначением пенсии в Российской Федерации скрыла факт получения ею пенсии по возрасту на территории Эстонской Республики.

Судом также установлено, что, по данным Консульского отдела Посольства Российской Федерации в Эстонской Республике, Миготина Т.В. выехала из Российской Федерации на постоянное жительство в Эстонию 21 ноября 1962 г.

Согласно справке Санкт-Петербургского государственного казённого учреждения «Жилищное агентство Калининского района Санкт-Петербурга» от 13 июля 2017 г. Миготина Т.В. зарегистрирована по месту жительства по адресу: г. Санкт-Петербург, [redacted] – с 31 августа 2004 г. По этому же адресу она была зарегистрирована по месту жительства с 9 июля 1996 г. по 4 июля 1997 г. и с 3 ноября 1998 г. по 16 октября 2001 г.

С 5 декабря 2017 г. по 5 декабря 2022 г. Миготина Т.В. зарегистрирована по месту пребывания по адресу: г. Севастополь, [redacted].

Разрешая спор о взыскании с Миготиной Т.В. незаконно полученных сумм пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г., суд первой инстанции со ссылкой на положения статей 2, 7 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 25 июня 1993 г. (Соглашение ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 27 ноября 1996 г. № 142-ФЗ; прекратило действие с 1 апреля 2012 г. – даты вступления в силу Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г.), пункта 7 статьи 5, пункта 3 статьи 13 Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г. (Российской Федерацией данный документ ратифицирован Федеральным законом от 31 января 2012 г.

№ 1-ФЗ; документ вступил в силу с 1 апреля 2012 г.), пункта 2 статьи 8 Соглашения между Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством социальных дел Эстонской Республики о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г., пункта 3 части 1 статьи 25, части 5 статьи 26, частей 2, 3 статьи 28 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», пункта 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации удовлетворил исковые требования УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга, взыскав в пользу пенсионного органа с Миготиной Т.В. как неосновательное обогащение сумму излишне выплаченной пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп.

Суд исходил из того, что Миготина Т.В., являясь с 25 декабря 1987 г. по 18 ноября 2016 г. получателем пенсии по старости на территории Эстонской Республики, при обращении в 1999 г. с заявлением о назначении пенсии на территории Российской Федерации не сообщила об этом органу, осуществлявшему пенсионное обеспечение, и в период с ноября 2000 г. по май 2016 г. получала пенсию по старости одновременно на территории двух государств, образовавшаяся по вине Миготиной Т.В. переплата пенсии подлежит взысканию как неосновательное обогащение.

Суд первой инстанции счёл не подлежащим удовлетворению заявление представителя Миготиной Т.В. о применении последствий пропуска истцом срока исковой давности для взыскания с неё суммы излишне выплаченной пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г., указав на то, что срок исковой давности подлежит исчислению с 8 апреля 2016 г. – даты представления Миготиной Т.В. в пенсионный орган решения Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. о приостановлении Миготиной Т.В. выплаты пенсии по старости на территории Эстонской Республики, при этом в суд с иском пенсионный орган обратился 30 января 2018 г., то есть в пределах срока исковой давности.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что оснований для применения пункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в данном случае не имеется ввиду недобросовестности поведения Миготиной Т.В., скрывшей факт получения пенсии по старости на территории Эстонской Республики.

Судебная коллегия по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признала содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судебных инстанций основаны на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с существенным нарушением процессуального закона.

Нормы, регулирующие обязательства вследствие неосновательного обогащения, установлены главой 60 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счёт другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретённое или сбережённое имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьёй 1109 данного кодекса.

Не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения, в частности: заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счётной ошибки (подпункт 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Из изложенного следует, что неосновательное обогащение имеет место в случае приобретения или сбережения имущества в отсутствие на то правовых оснований, то есть неосновательным обогащением является чужое имущество, включая денежные средства, которые лицо приобрело (сберегло) за счёт другого лица (потерпевшего) без оснований, предусмотренных законом, иным правовым актом или сделкой. Неосновательное обогащение возникает при наличии одновременно следующих условий: имело место приобретение или сбережение имущества; приобретение или сбережение имущества одним лицом за счёт другого лица произведено в отсутствие правовых оснований, то есть не основано ни на законе, ни на иных правовых актах, ни на сделке. По смыслу положений подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не считаются неосновательным обогащением и не подлежат возврату денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средств к существованию, в частности: заработная плата, приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью гражданина и т.п., то есть суммы, которые предназначены для удовлетворения его необходимых потребностей и возвращение этих сумм поставило бы гражданина в трудное материальное положение. Закон устанавливает исключения из этого правила, а именно излишне выплаченные суммы должны быть получателем возвращены, если их выплата явилась результатом недобросовестности с его стороны или счётной ошибки.

При этом добросовестность гражданина (получателя спорных денежных средств) презюмируется, следовательно, бремя доказывания недобросовестности гражданина, получившего названные в данной норме денежные суммы, лежит на стороне, требующей возврата таких денежных сумм.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 26 февраля 2018 г. № 10-П, содержащееся в главе 60

Гражданского кодекса Российской Федерации правовое регулирование обязательств вследствие неосновательного обогащения представляет собой, по существу, конкретизированное нормативное выражение лежащих в основе российского конституционного правопорядка общеправовых принципов равенства и справедливости в их взаимосвязи с получившим закрепление в Конституции Российской Федерации требованием о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (часть 3 статьи 17); соответственно, данное правовое регулирование, как оно осуществлено федеральным законодателем, не исключает использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы и обеспечение с его помощью баланса публичных и частных интересов, отвечающего конституционным требованиям.

Таким образом, эти нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении и недопустимости возврата определённых денежных сумм могут применяться, в частности, в рамках правоотношений, связанных с реализацией прав граждан на пенсионное обеспечение.

На дату принятия Управлением социальной защиты населения Калининского района Санкт-Петербурга решения о назначении Миготиной Т.В. с 6 декабря 1999 г. социальной пенсии (16 марта 2000 г.) и решения Управления социальной защиты населения Калининского административного района Санкт-Петербурга о переводе Миготиной Т.В. с 1 октября 2000 г. с социальной пенсии на пенсию по возрасту (11 октября 2000 г.) основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на пенсионное обеспечение были установлены Законом Российской Федерации от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации» (далее также – Закон РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I).

В соответствии со статьёй 10 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I пенсия на общих основаниях устанавливалась: мужчинам – по достижении 60 лет и при общем трудовом стаже не менее 25 лет; женщинам – по достижении 55 лет и при общем трудовом стаже не менее 20 лет.

Частью 1 статьи 113 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I было предусмотрено, что социальная пенсия устанавливается: инвалидам I и II групп, в том числе инвалидам с детства, а также инвалидам III группы; детям-инвалидам; детям в возрасте до 18 лет, потерявшим одного или обоих родителей; гражданам, достигшим 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины).

Согласно части 1 статьи 117 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I пенсионное обеспечение в соответствии с названным законом осуществлялось государственными органами социальной защиты населения.

Статьёй 126 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I на организацию (гражданина) была возложена ответственность за достоверность сведений, содержащихся в документах, выданных для назначения и выплаты пенсии.

В силу частей 2 и 3 статьи 127 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I пенсионер был обязан извещать орган, выплачивающий ему пенсию, о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера пенсии или прекращение её выплаты. В случае невыполнения указанных обязанностей и выплаты в связи с этим излишних сумм пенсии организация и пенсионер возмещают соответствующему органу социальной защиты населения причинённый ущерб.

С 1 января 2002 г. вступил в силу Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (пункт 1 статьи 31 названного федерального закона), пунктом 1 статьи 18 которого было установлено, что назначение, перерасчёт размеров и выплата трудовых пенсий, включая организацию их доставки, производятся органом, осуществляющим пенсионное обеспечение в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», по месту жительства лица, обратившегося за трудовой пенсией. Из содержания части 1 статьи 5 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» следует, что обязательное пенсионное страхование в Российской Федерации осуществляется страховщиком, которым является Пенсионный фонд Российской Федерации. Пенсионный фонд Российской Федерации (государственное учреждение) и его территориальные органы составляют единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации, в которой нижестоящие органы подотчётны вышестоящим.

С 1 января 2015 г. основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии регулируются Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

В Федеральном законе от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (пункт 4 статьи 23, статья 25 названного федерального закона) и Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (часть 5 статьи 26, части 1, 2 статьи 28 данного федерального закона) закреплены сходные с нормами Закона Российской Федерации от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации» нормативные положения, обязывающие пенсионера извещать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера пенсии или прекращение её выплаты, а также возмещать ущерб, причинённый пенсионному органу в результате выплаты излишних сумм пенсии.

Из изложенного следует, что на время принятия пенсионным органом решений о назначении Миготиной Т.В. социальной пенсии (16 марта 2000 г.) и переводе её с социальной пенсии на пенсию по старости (11 октября 2000 г.) пенсионное обеспечение осуществлялось государственными органами социальной защиты населения. Право на пенсию по старости имели в том числе женщины, достигшие возраста 55 лет, при наличии не менее 20 лет

общего трудового стажа. Основанием для установления социальной пенсии являлось, в частности, наличие у лица инвалидности II группы. С 1 января 2002 г. функции по пенсионному обеспечению возложены на Пенсионный фонд Российской Федерации и его территориальные органы. При этом законодательством Российской Федерации, действовавшим как на момент назначения Миготиной Т.В. пенсии на территории Российской Федерации, так и в последующий период (с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г.), на гражданина, обратившегося в пенсионный орган с заявлением о назначении пенсии, возлагалась обязанность представлять достоверные сведения в подтверждение права на указанную пенсию пенсионному органу, а после принятия пенсионным органом решения о назначении гражданину пенсии – безотлагательно извещать пенсионный орган о наступлении обстоятельств, влекущих за собой изменение размера пенсии или прекращение её выплаты. В случае установления недобросовестных действий пенсионера, направленных на получение пенсии по старости без установленных законом оснований, с него как с лица, получавшего и пользовавшегося пенсией по старости в отсутствие предусмотренных законом оснований, неосновательно полученные суммы пенсии подлежат взысканию по правилам статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации как неосновательное обогащение.

Судебные инстанции, делая вывод о взыскании с Миготиной Т.В. неосновательно полученной ею пенсии по старости за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп., приведённые выше нормы материального права, регулирующие спорные отношения, в их взаимосвязи не применили.

Судебные инстанции не учли, что излишне выплаченные Миготиной Т.В. суммы пенсии в силу пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации должны быть возвращены получателем в случае установления недобросовестности с его стороны, в данном случае недобросовестности Миготиной Т.В. – лица, которому эта пенсия по старости была назначена, или счётной ошибки.

Следовательно, по данному делу юридически значимым с учётом исковых требований УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга, возражений Миготиной Т.В. относительно иска и регулирующих спорные отношения норм материального права являлось установление недобросовестности в действиях Миготиной Т.В. при получении ею сумм пенсии на территории Российской Федерации в период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г.

Поскольку добросовестность гражданина (в данном случае Миготиной Т.В.) по требованиям о взыскании сумм пенсии по старости презюмируется, суду следовало возложить бремя доказывания недобросовестности Миготиной Т.В. при получении в период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. сумм пенсии по старости на пенсионный орган, требующий их возврата, то есть на истца.

Однако судебные инстанции, неправильно применив регулирующие спорные отношения нормы материального права, названное обстоятельство

в качестве юридически значимого не определили и не устанавливали, сославшись в обоснование вывода об удовлетворении исковых требований УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга лишь на то, что Миготина Т.В., являясь с 25 декабря 1987 г. по 18 ноября 2016 г. получателем пенсии по старости на территории Эстонской Республики, не сообщила об этом в 1999 г. при обращении с заявлением о назначении пенсии на территории Российской Федерации органу, осуществлявшему пенсионное обеспечение.

Между тем, как усматривается из материалов дела, Миготина Т.В. в ходе судебного разбирательства отрицала наличие у неё умысла получить неосновательное обогащение, ссылаясь на то, что при подаче в декабре 1999 г. заявления о назначении ей пенсии по старости она указывала на то, что за назначением пенсии по возрасту в Эстонии она не обращалась. Кроме того, Миготина Т.В. указывала на то, что, проживая с 1962 г. в Эстонии, она с 1976 г. являлась пациентом психиатрической клиники, неоднократно находилась на стационарном лечении, в связи с имеющимся у неё диагнозом психического заболевания ей была установлена инвалидность II группы. В период получения ею пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации, который был заявлен пенсионным органом как период неосновательного обогащения (с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г.), у неё умерли сын, дочь и внук, вследствие стрессовых ситуаций у Миготиной Т.В. обострялось имеющееся у неё психическое расстройство и она не могла понимать происходящее, что могло быть подтверждено соответствующими документами из медицинских учреждений, об истребовании которых было заявлено ходатайство представителем Миготиной Т.В. в суде первой инстанции. Однако суд первой инстанции этим доводам не дал какой-либо правовой оценки и отказал в удовлетворении ходатайства представителя истца, сославшись на то, что эти обстоятельства не имеют значения для дела (т.2, л.д.143–149).

Не являлись предметом исследования судебных инстанций и доводы представителя Миготиной Т.В., заявлявшиеся им в ходе судебного разбирательства, о необоснованности утверждения пенсионного органа со ссылкой на решение Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. и письмо Департамента социального страхования Эстонской Республики от 18 ноября 2016 г. о получении Миготиной Т.В. в Эстонии пенсии по старости начиная с 1987 г. Представитель Миготиной Т.В. указывал, что в 1987 г. его доверительница достигла возраста [redacted] лет, в связи с чем с учётом норм действующего на тот момент пенсионного законодательства ей не могла быть назначена пенсия по старости на территории Эстонии, так как обязательными условиями назначения пенсии по старости для женщин являлось достижение возраста 55 лет и наличие стажа работы не менее 20 лет (статья 8 Закона СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях»). Судебные инстанции данные обстоятельства не проверили и не отразили в судебных актах мотивы, по

которым были отклонены приведённые в обоснование своих возражений доводы стороны ответчика.

Кроме того, судебными инстанциями не были устранены имеющиеся противоречия в представленных в материалы дела решении Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. и письме Департамента социального страхования Эстонской Республики от 18 ноября 2016 г. относительно периодов получения Миготиной Т.В. пенсии на территории Эстонской Республики. Так, согласно решению Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. выплата пенсии по старости, назначенной Миготиной Т.В. в 1987 г., приостановлена начиная с 1 марта 2016 г., а в письме Департамента социального страхования Эстонской Республики от 18 ноября 2016 г. в ответ на запрос УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга от 26 октября 2016 г. сообщено о том, что Миготина Т.В. является получателем пенсии по старости на территории Эстонской Республики с 25 декабря 1987 г. по настоящее время.

Судебные инстанции в нарушение требований статей 67, 71 ГПК РФ приведённые Миготиной Т.В. и её представителем доводы и доказательства в их обоснование не исследовали, правовой оценки исходя из положений норм права, подлежащих применению по данному делу и связанных с проверкой добросовестности действий Миготиной Т.В. при её обращении за назначением пенсии в декабре 1999 г., не дали.

При таких обстоятельствах нельзя признать правомерным вывод судебных инстанций об удовлетворении исковых требований УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга о взыскании с Миготиной Т.В. сумм пенсии по старости в размере 1 315 892 руб. 28 коп., полученных ею в период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. на территории Российской Федерации, как неосновательного обогащения, только по причине того, что Миготина Т.В. в указанный период одновременно получала пенсию по старости, назначенную ей в Эстонской Республике, без установления факта недобросовестности в её действиях, а также факта получения ею пенсии по старости на территории Эстонской Республики.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также не может согласиться и с выводом судебных инстанций о том, что пенсионный орган не пропустил срок исковой давности по требованиям о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии по старости, обратившись в суд 30 января 2018 г.

Согласно статье 195 Гражданского кодекса Российской Федерации исковой давностью признаётся срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Пунктом 1 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьёй 200 данного кодекса.

Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой

давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (пункт 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В соответствии с пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абзац второй пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и не имеется уважительных причин для восстановления этого срока для истца – физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела.

Такое правовое регулирование направлено на создание определённости и устойчивости правовых связей между участниками правоотношений, их дисциплинирование, обеспечение своевременной защиты прав и интересов субъектов правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников правоотношений от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и о защите своих прав.

По общему правилу, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Таким образом, действующее законодательство связывает возможность применения судом срока исковой давности с обращением лица в суд с иском по истечении установленного законом срока, исчисляемого либо с момента, когда лицо фактически узнало о нарушении своего права, но длительное время не предпринимало действий к его защите, либо с момента, когда лицо в силу своих компетенций и полномочий должно было узнать о таком нарушении права.

Для решения вопроса об исчислении срока исковой давности по иску УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга к Миготиной Т.В. о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии необходимо было установить начальный момент течения данного срока, то есть день, когда пенсионный

орган узнал или должен был узнать о получении Миготиной Т.В. пенсии на территории Эстонской Республики.

При этом начало течения срока исковой давности должно совпадать с моментом возникновения у пенсионного органа права на иск и возможности реализовать его в судебном порядке.

Приведённые нормативные положения, определяющие начало течения срока исковой давности, судами первой и апелляционной инстанций применены неправильно, вследствие этого обстоятельства, связанные с определением момента возникновения у пенсионного органа – УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга – права на иск о взыскании с Миготиной Т.В. излишне выплаченных сумм пенсии, судебными инстанциями не установлены.

Судебные инстанции, определяя начало течения срока исковой давности по заявленным требованиям, в качестве точки отсчёта давностного срока указали на 8 апреля 2016 г. – дату представления Миготиной Т.В. в пенсионный орган решения Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. о приостановлении ей выплаты пенсии по старости на территории Эстонской Республики, в то время как согласно положениям пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации для установления начала течения срока исковой давности должны приниматься во внимание не только день, когда истцу стало известно о нарушении своего права, в данном случае о предполагаемом нарушении Миготиной Т.В. требований нормативных правовых актов, регулирующих отношения по пенсионному обеспечению, но и день, когда истец в силу своих компетенции и полномочий должен был об этом узнать.

Положением о Пенсионном фонде Российской Федерации, утверждённым постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2122-I (далее – Положение о Пенсионном фонде Российской Федерации), предусмотрено, что Пенсионный фонд Российской Федерации и его денежные средства находятся в государственной собственности Российской Федерации. Денежные средства Пенсионного фонда Российской Федерации не входят в состав бюджетов, других фондов и изъятию не подлежат (пункт 2 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации).

Пенсионный фонд Российской Федерации обеспечивает в том числе контроль за правильным и рациональным расходованием его средств (пункт 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации).

Исходя из приведённых норм Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации на Пенсионный фонд Российской Федерации возложена функция контроля за правильным и рациональным расходованием его средств, формируемых в том числе за счёт федерального бюджета.

Заявляя о пропуске истцом срока исковой давности по требованиям пенсионного органа к Миготиной Т.В. о взыскании сумм излишне выплаченной пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г., представитель Миготиной Т.В. по доверенности Лебеднов Ю.С. в возражениях на исковое заявление и в апелляционной жалобе на решение суда

первой инстанции (т.1, л.д. 57–62, т.2, л.д. 236) ссылался на то, что исходя из норм международных договоров, заключённых между Российской Федерацией и Эстонской Республикой, УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга при осуществлении надлежащего контроля за правильным расходованием средств на пенсионное обеспечение в силу своей компетенции задолго до представления Миготиной Т.В. в пенсионный орган решения Департамента социального страхования Эстонской Республики от 29 февраля 2016 г. могло и должно было узнать о выплате ей пенсии в Эстонской Республике.

Из заявления Миготиной Т.В. о назначении ей пенсии по возрасту на территории Российской Федерации, поданного в декабре 1999 г., следует, что она ранее проживала на территории Эстонской Республики, где пенсия по возрасту ей не назначалась.

В период выплаты Миготиной Т.В. пенсии по старости по нормам законодательства Российской Федерации действовало Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения, подписанное 25 июня 1993 г. в г. Таллине, с изменениями, внесёнными Протоколом от 5 ноября 2002 г. (далее – Соглашение от 25 июня 1993 г.; ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 27 ноября 1996 г. № 142-ФЗ; вступило в силу 16 октября 2007 г.; прекратило действие с 1 апреля 2012 г. – даты вступления в силу Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г.).

В соответствии со статьёй 1 Соглашения от 25 июня 1993 г. пенсионное обеспечение граждан Сторон и их семей осуществляется компетентными органами в соответствии с законодательством той Стороны, на территории которой они постоянно проживают.

Статьёй 7 Соглашения от 25 июня 1993 г. (в редакции с изменениями, внесёнными Протоколом от 5 ноября 2002 г.) предусмотрено, что при переселении пенсионера с территории государства одной Стороны на территорию государства другой Стороны выплата пенсии по прежнему месту жительства прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем переселения, если пенсия того же вида предусмотрена законодательством государства Стороны по новому месту жительства.

14 июля 2011 г. между Российской Федерацией и Эстонской Республикой был заключён Договор о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения (далее – Договор от 14 июля 2011 г.), ратифицированный Российской Федерацией Федеральным законом от 31 января 2012 г. № 1-ФЗ и вступивший в силу с 1 апреля 2012 г. (временно применялся с 16 октября 2011 г.).

Договор распространяется на отношения, относящиеся: 1) в Российской Федерации – к трудовым пенсиям по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца; социальным пенсиям; 2) в Эстонской Республике – к государственному пенсионному страхованию, включая народную пенсию (статья 2 Договора от 14 июля 2011 г.).

Данный договор применяется к лицам, проживающим на территориях Договаривающихся Сторон и являющимся их гражданами или лицами без гражданства, на которых распространяется или ранее распространялось действие законодательства каждой из Договаривающихся Сторон в соответствии со статьёй 2 Договора (статья 3 Договора от 14 июля 2011 г.).

В случае перемены места проживания в связи с переездом лица с территории одной Договаривающейся Стороны на территорию другой Договаривающейся Стороны выплату пенсии, в том числе назначенной по законодательству одной из Договаривающихся Сторон, продолжает Договаривающаяся Сторона, назначившая пенсию, кроме социальной пенсии в Российской Федерации и народной пенсии в Эстонской Республике (пункт 7 статьи 5 Договора от 14 июля 2011 г.).

В целях реализации Договора уполномоченные органы власти Договаривающихся Сторон заключают соглашения о его применении. Компетентные учреждения Договаривающихся Сторон сотрудничают друг с другом по вопросам, связанным с реализацией данного договора (пункты 1, 2 статьи 8 Договора от 14 июля 2011 г.).

6 октября 2011 г. между Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством социальных дел Эстонской Республики заключено Соглашение о применении Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г. (далее – Соглашение от 6 октября 2011 г.), согласно статье 2 которого в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 1 Договора компетентными учреждениями являются: 1) в Российской Федерации – Пенсионный фонд Российской Федерации и его территориальные органы; 2) в Эстонской Республике – Департамент социального страхования Эстонской Республики.

К обязанностям компетентных учреждений отнесено, в частности, информирование друг друга об обстоятельствах, имеющих значение для пенсионного обеспечения лиц, приостановления и (или) прекращения выплаты пенсии и изменения её размера (подпункт 5 пункта 1 статьи 3 Соглашения от 6 октября 2011 г.).

Компетентные учреждения Договаривающихся Сторон оказывают друг другу содействие в целях предупреждения возникновения переплат сумм пенсий (пункт 7 статьи 7 Соглашения от 6 октября 2011 г.)

При разрешении вопроса об исчислении срока исковой давности по иску УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга к Миготиной Т.В. о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии судебным инстанциям необходимо было учитывать нормативные положения, определяющие полномочия Пенсионного фонда Российской Федерации по контролю за правильным и рациональным расходованием его бюджета, во взаимосвязи с нормами международных договоров и соглашений, заключённых между Российской Федерацией и Эстонской Республикой в области пенсионного обеспечения, предусматривающих, в частности, обязанности по информированию компетентных учреждений друг друга об обстоятельствах,

имеющих значение для пенсионного обеспечения лиц, приостановления и (или) прекращения выплаты пенсии и изменения её размера, оказание содействия друг другу в целях предупреждения возникновения переплат сумм пенсий, а также с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о сроке исковой давности, о применении которой было заявлено представителем ответчика Миготиной Т.В.

Однако приведённые нормативные положения в их взаимосвязи, подлежащие применению к спорным отношениям, судебными инстанциями были применены неправильно, вследствие этого не установлены обстоятельства, связанные с определением начального момента возникновения у пенсионного органа с учётом имеющихся у него полномочий по контролю за расходованием его средств в том числе на выплату пенсии права на иск к Миготиной Т.В. о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии.

Кроме того, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает заслуживающими внимания доводы Миготиной Т.В. в кассационной жалобе о том, что судебными инстанциями при разрешении настоящего спора не была проверена правильность представленного пенсионным органом расчёта заявленной ко взысканию суммы неосновательного обогащения (1 315 892 руб. 28 коп.), судами не было установлено, какие именно выплаты были включены в указанную сумму (пенсия по старости, пенсия по инвалидности, выплаты, полагающиеся Миготиной Т.В. как лицу, награждённому в 1996 г. знаком «Жителю блокадного Ленинграда») и какая именно часть из выплаченных пенсионным органом Миготиной Т.В. в период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. денежных средств составляет именно сумму пенсии по старости. В нарушение требований статей 56, 67, 196 ГПК РФ предъявленный пенсионным органом расчёт суммы неосновательного обогащения не был предметом исследования и оценки судов первой и апелляционной инстанций при разрешении спора, тем самым судами не были выполнены обязательные требования закона по оценке доказательств.

Ввиду изложенного Судебная коллегия приходит к выводу о том, что суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела по исковым требованиям УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга к Миготиной Т.В. о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии в результате неправильного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права не определили обстоятельства, имеющие значение для дела, и то, какой стороне надлежит их доказывать, не установили эти обстоятельства, не оценили в совокупности имеющиеся по делу доказательства. Следовательно, выводы судебных инстанций об удовлетворении исковых требований УПФР в Калининском районе Санкт-Петербурга о взыскании с Миготиной Т.В. сумм полученной пенсии за период с 1 ноября 2000 г. по 31 мая 2016 г. в размере 1 315 892 руб. 28 коп. как неосновательного обогащения не могут быть признаны основанными на нормах права.

Суд кассационной инстанции, проверяя по жалобе Миготиной Т.В. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнив требования статей 379^{6} и частей 1–3 статьи 379^{7} ГПК РФ.

При таких обстоятельствах решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 октября 2018 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 апреля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признаёт незаконными. Они приняты с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможна защита нарушенных прав и законных интересов Миготиной Т.В., что согласно статье 390^{14} ГПК РФ является основанием для отмены обжалуемых судебных постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду первой инстанции следует разрешить спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям сторон нормами материального права, установленными по делу обстоятельствами и с соблюдением требований процессуального закона.

Руководствуясь статьями 390^{14}–390^{16} ГПК РФ, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 октября 2018 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 апреля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г. по делу Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга № 2-3798/2018 отменить.

Направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции – Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга.

Председательствующий

Судьи